

МОЯ РОДИНА

ОЛЕГ РОЙ
ВОЙНА
ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Олег Юрьевич Рой
Война глазами детей
Серия «Моя Родина (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74145336
ISBN 978-5-17-177864-4

Аннотация

Сборник рассказов «Война глазами детей» предлагает уникальный взгляд на события специальной военной операции через призму детского восприятия. В этих историях яркие персонажи – от опытных военных до гражданских лиц, оказавшихся в эпицентре событий, каждый рассказ – это чья-то отдельная жизнь, полная борьбы за выживание, страхов и надежд.

Книга не только освещает трагические моменты истории нашей страны, но и показывает силу человеческого духа, солидарность и гуманизм, которые проявляются даже в самых сложных обстоятельствах. Герои сталкиваются с различными испытаниями, но вместе они преодолевают преграды, поддерживают друг друга и учатся ценить покой и безопасность. Каждая история наполнена искренним теплом, добротой и любовью к Родине.

«Война глазами детей» – это рассказы о том, как даже в самые трудные времена можно найти надежду и свет. Эти

истории помогают понять, что за каждым великим событием стоят простые люди с их переживаниями и мечтами.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Птицы мира	9
Воскресение вербы	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Олег Рой

Война глазами детей

© Рой О., 2026

© Крашенинникова С. А., ил., 2026

© Ил. на обл. Звягин И. В., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

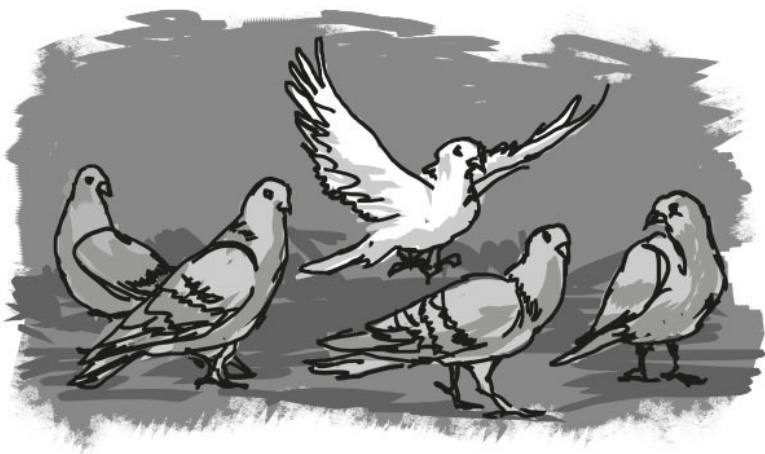
* * *

ОЛЕГ РОЙ
ВОЙНА
ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Птицы мира

Прадед на снимке был совсем молодой, не намного старше самого Витьки. В сорок третьем в военкомате он себе два года приписал. Потому что пришел домой, а мать лежит во дворе мертвая. Соседки рассказали, что гитлеровцы пришли требовать «курки-млеко-яйки», а она просила хоть парочку на развод оставить – вот и застрелили, чтобы не мешала. На отца и братьев прадеда еще раньше похоронки пришли. И куда ему было деваться? Только бить тех, кто сломал их жизнь, из-за кого родная теплая Суджа словно почернела.

Витька его понимал... наверное.

На груди у молодого прадеда сияли ордена. Первый – орден Славы – он получил после первого ранения на Курской дуге... сколько ему тогда было? шестнадцать или уже семнадцать? Потом еще два добавились, потом Красное Знамя и Красная Звезда. Медалей и вовсе не сосчитать. До Берлина дошел. Снимок этот был сделан в Дюссельдорфе: сидит молодой прадед, улыбается, за спиной домики аккуратненькие, на груди ордена, на плече голубь.

Парень как парень, совсем не героического вида. Но ведь герой же!

Витьку и назвали-то в честь него. Но имя – это же не просто так, правда?

Потертый черно-белый снимок вдруг налился цветом, парень подмигнул... показалось? Это же фотография, не кино...

* * *

Домики здесь были совсем не такие, как в Судже или в Смоленске. Не так немцы строили. Но – красиво, аккуратно. И Виктор вдруг решил, что когда вернется, станет каменщиком! И построит в родной Судже, превращенной нацистами в руины, такие вот прекрасные домики; будет класть кирпичик к кирпичику, кирпичик к кирпичику...

Скоро уже, наверное. Капитуляцию фрицы подписали, салют был везде, и тут, в Дюссельдорфе, куда их часть пере-

бросили, тоже. Зачем перебросили? Наверное, чтоб порядок поддерживали, а может, просто чтоб отдохнули. Война – тяжелая работа. А сейчас – майское солнышко пригревает, бежать и стрелять не надо, сиди себе и домики разглядывай. По углам кирпичиками белыми, узоры выведены и вокруг окон и дверей такие же – словно рамочки. Красиво. Тихо.

Да еще повар Степаныч семечек отсыпал; откуда и взято? Интересно, на каменщика трудно выучиться? Наверное, не труднее, чем на повара, а Степаныч вон как управляет, не гляди, что одна рука. Мог ведь комиссоваться вчистую: Красную Звезду заработал, нашивку «тяжелое ранение». А он, раз стрелять больше не с руки, поваром стал. И Виктор справится. И отстроит родную Суджу краше прежнего!

Сверху что-то зашелестело, словно ветерок подул – и на плечо, прямо на погон, опустился голубь. Белый, как будто и не родственник простецким сизарям. Красавец! То есть был когда-то красавец, сейчас отошал до предела, да и белые перья потускнели.

– Что, немчура, небось, на семки мои целишься? – добродушно усмехнулся Виктор. – Ну угощайся, не жалко, – он протянул оголодавшему семечку.

Тот посмотрел на поднесенные пальцы с легкой опаской, но угощение склевал. И курлыкнул. Вроде как «спасибо» сказал. Или «дай еще».

– Что, брат, довели тебя фрицы до цугундера? – Виктор вытряхнул из газетного кулька остатки семечек и протянул

ладонь к голубю. – Лопай, болезный.

Семечки тот склевал – ладони от лёгких поклевываний было щекотно, – но улетать не спешил. Так и топтался, переступая непривычно яркими, почти алыми лапками.

– Ишь ты! – удивился Виктор. – Жить у меня устраиваешься? Гляди, чтоб не гадить! Форму-то мне отчищать.

Гадить новый знакомец не стал, только переминался с лапки на лапку, взмахивал несильно крыльями, так что щеку обдавал ветерок, и ворковал.

– Ну... – Виктор вздохнул. – Раз такое дело... поехали со мной в Суджу. Не пропадешь. У меня мамка курей держит... держала... – всякого за эти годы навидаться пришлось, но вспоминать все равно было больно.

Голубь точно почувствовал перемену настроения, наклонился к самому уху Виктора и принялся что-то ворковать прямо в него.

– Ты, никак, мне что-то рассказываешь? Или утешаешь? Вот только я ж по-вашему нихът ферштейн. Но ничего, договоримся. Корм раздобудем, постоем не обидим...

* * *

– Он у тебя и щи трескает? – Степаныч подошел во время обеда.

Пока погода держалась ясная, столовались в яблоневом саду возле ратуши. Кбзлы с настеленными досками, длинные

лавки, за которыми исходила вкусным паром полевая кухня. Деревья стояли в пышной бело-розовой пене, осыпающиеся уже лепестки падали не только на стол, но и в котелки, но никто не жаловался. Голубь аккуратно вытаскивал из котелка Виктора кусочки капусты и картошки, временами задирая голову, чтобы отщипнуть от хлеба, зажатого в левой руке нового хозяина... или друга?

– Предпочитает кашу, – обстоятельно пояснил тот. – Но и щами не брезгует, они у тебя, Степаныч, кого угодно соблазнят. Ну и хлеб, само собой.

– Значит, тебе теперь двойную порцию надо? – на лице повара не мелькнуло ни тени улыбки, словно всерьез спрашивал. Хотя за пышными пшеничными усами могла и улыбка спрятаться.

– Так жалко ж его, тоже божья тварь. Гляди, как оголодал.

– Подойди после, – распорядился Степаныч и ушел.

Про двойную порцию – это была, конечно, шутка. Но лишь отчасти. Степаныч отнесся к появлению «нахлебника» вполне серьезно и пайку выдавал ежедневно, насыпая в пакетики зерно: пшеницу, просо, овес, ячмень. Должно быть, из конского фуража заимствовал. Конюхам точно было не жаль поделиться – птица и вправду божия, а сколько она там съест...

К моменту демобилизации Виктора питомец отъелся так, что пришлось сменить первоначальную кличку Фриц на Геринга. Голубь стал важным, в точности как тот гитлеровский

рейхсмаршал, а оперение его – восхитительно белым. Как флаг, которым, по слухам, размахивали возле рейхсканцелярии Кейтель с Йодлем.

– Геринг? – Степаныч, выдавая очередную пайку, покачал головой с явным сомнением. – Негоже такой хорошей птице зваться именем мерзавца. Он же не виноват, что в Неметчине уродился. Да и тут приличные люди встречались. Тот же Тельман...

Степаныч, у которого гитлеровцы убили всю родню, на немцев, однако, смотрел без ненависти, отчасти даже с безгливой жалостью. Даже подкармливал кое-кого – синих от недоедания детишек, исхудавших фройляйн, стариков с трясущимися руками.

– Они думают, мы им мстить станем, – вздыхал он, плюхая кашу в очередную миску. – Что толку мстить-то? Да и кому? Вот этим, которые завтра с голоду помрут? Жалко, Адольф ихний слишком легко отделался, его бы хоть вздернуть, да чтоб веревка пару раз оборвалась, а он, вишь, таблеточку сглотнул – и готов... Ну да что ж теперь, так тоже неплохо...

* * *

Неподалеку от ратуши стоял кинотеатр. Билет стоил всего пфенниг для немцев, для наших солдат бесплатно. Крутили все подряд: и нашу «Волгу-Волгу», и американского «Тарза-

на» с продолжениями, и «Серенаду Солнечной долины», и даже какого-то немецкого «Гусара». Тельман внутрь не залетал, оставался ждать на перекошенном козырьке над входом.

Перед каждым фильмом шел обязательный журнал о зверствах нацистов на оккупированных территориях. Сидевшие в зале немцы втягивали головы в плечи и опасно отодвигались от красноармейцев. «Дураки какие-то, – думал Виктор. – Но что с них взять, с убогих? Не этот же полухлопый старик жег белорусские деревни. И не эта фройляйн убивала Витю Черевичкина...»

...которого как раз за голубей и застрелили. А птицам перед тем оторвали головы – прямо на глазах у парня.

Именно после этого сеанса Виктор обнаружил, что у Тельмана появилась подружка. Тоже белая, но края перьев завивались кокетливыми кудряшками – точно как на снимках красавиц-блондинок в фойе кинотеатра. С самой большой фотографии загадочно улыбалась Марлен Дитрих. Так что имя для голубки и выбирать не пришлось.

– Ты, Тельман, молодец, что семьей обзаводишься, – говорил Виктор. – Вот вернемся в Суджу, построю голубятню. И назову ее «Голубятня имени Вити Черевичкина». А ты с Марлен станешь родоначальником. Будете... как его... плодиться и размножаться.

До Суджи было неблизко. Тельман и Марлен то летели рядом с поездом, то отдыхали на крыше теплушки Виктора, которому Степаныч выдал на дорогу не только положенный

сухпак, но и изрядный мешочек с зернами.

В Курске поезд прибыл на временный вокзал; старый городской разбомбили немецкие стервятники. Тельман и Марлен уселись на плечи Виктора и не взлетали до самой Суджи, даже когда он трясся в разбитой полуторке по исковерканным войной дорогам.

* * *

В полуразрушенном доме все напоминало об отце, матери и братьях. Со старой яблони сиротливо свисал обрывок толстой веревки – качели вешал отец, а старший Илюха раскачивал маленького Виктора так, что дух захватывало... А вот здесь, у самого крылечка, лежала мама... Мертвая...

Сколько-то Виктор перебедевал у соседки, единственной оставшейся в живых родственницы – тетки Майи. Но глядеть на развалины родного дома, на разбитый сарай, где когда-то жили куры, на пятно возле крыльца, на щерящиеся осколками окна, было невыносимо, и он перебрался в общагу. Пусть и барак, но – возле станции, и ходить мимо рвущих душу воспоминаний не приходилось. Тельман и Марлен кочевали от чердака к чердаку, хотя старались жаться к Виктору поближе: на птиц охотились не только кошки, но даже оголодавшие крысы.

Мечту свою он не забыл, работать пошел на стройку. Стал помощником каменщика, а вскоре, одновременно с окон-

чанием вечерней школы, и каменщиком первого разряда. В пятьдесят первом после присвоения очередного разряда поднялся до бригадира. О нем даже писали в районной газете.

И тут в его бригаде появилась Галя-Галочка – хрупкая детдомовка со смешными косичками. Будущего маляра прислали на практику. И Виктор – пропал. Галочка была – словно солнечный зайчик. Словно и не лежали на узких плечиках тяготы военных лет, а ведь в сорок первом ей и десяти не исполнилось. Всю родню забрала проклятая война, только Галочка и уцелела.

Свадьба была скромнее скромного, но молодым вовсе и не хотелось пускать пыль в глаза всему миру. Главное, им выделили участок и стройматериалы. Бригада дружно явилась на подмогу, и дом вырос как по волшебству. Нарядный, как запомнилось Виктору в Дюссельдорфе, красно-белого кирпича, с узорчатыми углами и наличниками, он привлекал внимание и радовал глаз. Многие потом эти узоры переняли. А после даже легенда возникла: дескать, дома эти строили пленные немцы. А всего лишь Виктор взял у побежденного врага то, что взять стоило.

Среди кустов смородины и шиповника воплотилась и еще одна мечта – голубятня имени Вити Черевичкина, где поселились Тельман, Марлен и их уже немалое потомство. Да и приятели нет-нет да притаскивали пополнение, так что птичий дом приходилось расширять и надстраивать. Спер-

ва этим занимался Виктор, потом подросший сын Дмитрий, которому повезло уцелеть в Афгане... может, голуби его и хранили?

Витька сморгнул, приходя в себя. Словно сон увидел: яркий, подробный, пронзительный. Но он ведь не спал! Он просто смотрел на старую черно-белую фотографию. А «фильм» был цветной! Даже со звуком! Повар Степаныч говорил хриплым басом, голос прабабушки Гали звенел колокольчиком...

И почему он, Витька, стоит не возле того давнего снимка, а возле окна? И смотрит на ту самую голубятню, куда когда-то привел его отец. Георгий, сын Дмитрия, внук Виктора-старшего. Он ведь тоже уцелел чудом, только не в Афгане, а в Чечне; сейчас вот опять воюет, теперь уже на Донбассе. Витька помнил, как отец знакомил его, еще дошколенка, с голубями.

Тельман седьмой и седьмая Марлен, да еще Дитрих, Изольда, Зигфрид, Анабелла, Маркус, Дора, Альберт и Эдит. Он быстро запомнил каждого и различал их безошибочно. Но первым, был, конечно, Тельман, хоть и седьмой. Заложив голову кружительный вираж, он присел мальчику на плечо, и тот разулыбался:

– Ты хороший... Как тебя зовут?

– Это Тельман, – ответил за голубя Георгий.

С голубями было... Витька не мог подобрать слово... ве-

село? Увлекательно? Или просто – тепло? Витька учил их всевозможным трюкам – и они понимали! Правда-правда! Сейчас он тоже что-нибудь придумает; до конца каникул еще чуть ли не месяц, много чего можно сообразить. Деду понравится. Но сперва надо пересказать питомцам «сон», где взаправду летал их прапрапрапрадедушка – Тельман первый...

Телефон в кармане залился громкой трелью.

– Витенька, родненький! – в мамином голосе слышались слезы.

– Ма, чего случилось? – он в самом деле испугался: отца на Донбассе ранили, он приехал в отпуск и на реабилитацию, все было нормально, но ведь кто знает...

– Господи, ты жив! – задыхаясь, проговорила мама.

– Ма, ты чего вообще? – Витька понял, что дело не в отце. Но с ним-то самим что может случиться? Тут дед рядом, и вообще...

– Витенька, так ведь бандеровцы! Там, у вас...

– Ты чего, мам, какие бандеровцы?

Но да, спустя восемьдесят лет после Победы в Суджу вернулась война. Она долго топталась на пороге, десять лет. Все привыкли, что совсем рядом, за пограничным КПП – враги. Алчные, злобные, но трусливые. Донбасс они считали как бы своим, вот и изгалялись там по-всякому. Но через российскую границу диверсанты просачивались лишь изредка. Постреливали, тоже бывало. Но, в общем, в Судже, жизнь текла

прежняя, мирная.

– Витенька, мы пытались к вам проехать, хоть тебя забрать, если Дмитрий Викторович откажется от эвакуации. Но нас не пустили! Военные патрули стоят, не пробиться. Отец уже со своими однополчанами связался, но пока никак...

– Мам, да мы нормально, я ща с дедом поговорю...

– Витень... – и связь внезапно оборвалась.

* * *

– Компьютере? – неопрятный дядька в мятой, изрядно засаленной форме не зашел через калитку – вломился, едва не снеся решетчатую створку грузным телом. И стоял, осклабясь, глядя на Витьку мутными глазами. Может, пьяный, может, чего похуже.

По улице прокатился БТР, следом еще один. На каждом сидело по полдюжине таких же, как этот у калитки. Даже свисающие с машин жовто-блакитные тряпки выглядели так, словно ими мыли полы. А тем, кто облепил технику, было наплевать, они орали, гоготали, стреляли – то в воздух, а то и по окрестным домам...

– Компьютер, грю, давай, – повторил пришелец.

– Нету, – замотал головой Витька.

– Брэшешь, – лениво ухмыльнулся тот. – Ща пошукаю чегось...

Телефон Витька еще после маминого звонка спрятал на голубятне, когда все попытки прозвониться к родителям упирались в хрип и треск – даже механического голоса «абонент недоступен» не было. Говорили, что оккупанты, изображая патрулирование, забирают, что приглянулось, в первую очередь компьютеры и телефоны. Хотя и ложками-вилками не брезгают. Сборище мародеров, а не армия.

– А там що? – оживился вдруг вояка, поворачиваясь к бабенке голубятни. – Та холубы же! Навищо тобі?

Этого слова Витька не знал, но понять было нетрудно. Он пожал плечами:

– Для красоты. Голуби – птицы мира.

Бандеровец вдруг вытащил рацию:

– Тут холубы, – даже не назвав себя, заявил он.

– Тут везде голуби, – ответили по-русски, слышно было на удивление хорошо. – Ты что, голубей никогда не видел, одоробло?

– Голубамы можно посылаты лысты москалям, – набычившись, упорствовал бандеровец.

У Витьки похолодело сразу и в животе, и вдоль позвоночника. Он действительно научил Тельмана, Марлен и еще нескольких голубей относить письма. Но куда их можно посылать сейчас? И не объяснишь, что голуби летают только знакомой дорогой...

Неужели отберут?

– Где ты их нашел? – спросили из рации.

– Голубятня тута, – буркнул бандеровец. – Воны тамы сы-
дять.

– Та спалы йых до биса, – посоветовала рация и уже на русском добавила: – Бензином плеснул, зажигалкой чиркнул, и всех делов. Всему вас учить надо, придурки...

– Будэ зроблэно, – лицо бандеровца расплылось такой счастливой улыбкой, словно ему преподнесли роскошный торт или ящик горилки.

Он вышел за калитку, где стоял его «бобик». На старенькой машине еще сохранилась надпись «милиция».

Витька со всех ног припустил к голубятне, взлетел по лесенке, дернул дверь...

– Гхэй, ты шо удумав? – заорал бандеровец, чуть не роняя притащенную из «бобика» канистру.

Витька не слушал, хотя все поджилки тряслись: краем глаза он видел, что отморозок полез в кобуру. Но выбора не было. Он во весь голос заорал: «Салют!» – и со всех ног бросился вниз, а потом к калитке, что вела в огород.

Это была одна из команд, которую он выдумал, а питомцы освоили: взлетающие вверх и в стороны голуби действительно напоминали салют, только живой. И, судя по шуму крыльев, команда была исполнена.

Но следом раздался выстрел. За ним – второй.

Господи, только бы не попал, только бы не попал – Витька был уверен, что стреляет нацист по голубям. Хотя попасть по летящим голубям... куда ему, он же пьяный!

Он уже выскочил в огород, когда бок обожгло так, словно его приложили выдернутой из костра головней. Только тут Витька понял, что стреляет отморозок по нему. Скорее от неожиданности, чем от боли, он упал и кубарем покатился по грядке с морковкой. Вскочил, но резкая боль в раненом боку заставила вновь рухнуть на землю.

Да еще в ногу что-то вцепилось... корень? Но откуда в их обихоженном огороде корни?

Нет, не корень – рука. Злая, цепкая, безжалостная! Перевернув Витьку на спину, бандеровец схватил его за горло и вздернул вверх – одной левой, весу-то в мальчишке было всего ничего. Правая ручища любовно сжимала здоровенный тесак, какими в боевиках щеголяют американские спецназовцы.

– Выпустив своих голубив? – бандеровец зло ощерил гнилые зубы. – За тэ я тоби тэльбух выпущу!

Витька только и мог что зажмуриться, чтобы не видеть, как его будут убивать, как из распоротого живота хлынет кровь... И будет очень, очень больно... Хоть бы недолго... Лучше бы по горлу – это быстро.

Мама плакать будет.

Но она поймет. Наверное. Отец точно поймет. Витька же не мог... Он же не просто так – он спас их всех: Тельмана и Марлен, Дитриха и Изольду, Зигфрида и Анабеллу, Маркуса и Дору, Альберта и Эдит; кое-кто, как Тельман и Марлен, были его друзьями еще с детства, остальные получили име-

на по наследству. И еще Фридрих, Эдмунд, Макс, Феликс, Грета, Габриэль, Хильда, Ксения...

Его сейчас убьют, а они будут жить. Попробуй поймать птицу в небе! Он их спас! В глазах потемнело – горло ему бандеровец передал, в ушах зашумело, словно крылья захлопали... много, много крыльев...

* * *

Голуби – птицы мира. Они словно посланники Неба на Земле; именно в виде голубя Святой Дух снизошел на Христа.

Голубь – птица мира, потому и любили их всегда на Руси. Русские ведь – очень миролюбивый народ, мы любим и ценим мир. И, как все по-настоящему важное и ценное, готовы и умеем его защищать.

С темнеющего под вечер неба, где уже вспыхивали крупные августовские звезды, белыми молниями неслась голубиная гвардия: Тельман и Марлен, Дитрих и Изольда, Фридрих и Грета, Зигфрид и Анабелла, Эдмунд и Габриэль, Маркус и Дора, Макс и Хильда, Альберт и Эдит, Феликс и Ксения...

Они пикировали, сложив крылья, и били страшного чужого человека клювами – прямо по его круглой бритой башке, лупили крыльями по лицу, царапали коготками, раздирая в кровь щеки и лоб...

Чужак – да полно, человек ли он? – нелепо размахивая

руками, пытался отбиваться. Нож упал на землю. И пистолет от диких прыжков вывалился из кобуры...

Споткнувшись на морковной грядке, бандеровец упал...

Но, падая и отбиваясь от белых молний, сумел схватить одну из голубиц – Витька узнал Марлен.

Исцарапанное, залитое кровью лицо, в котором мало что осталось человеческого, страшно перекошилось:

– Видклыч птахив! – заорал он. – Бо я йий шыю звэрну!

Выпавший из его кобуры пистолет валялся совсем рядом. Не очень соображая, что делает, Витька схватил оружие – и направил его на бандеровца:

– Отпусти голубку!

– Ах ты, покыдьок! – заорал тот. – Да я её...

И Витька нажал на спусковой крючок...

От грохота заложило уши – Витька никогда не слышал выстрела так близко. Пистолет дернулся, вывернулся из руки, выпал...

...но он попал!

Враг завалился набок, захрипел... и, пару раз вздрогнув, затих.

Из-под его тела выбралась, отряхиваясь и что-то недовольно «приговаривая», Марлен. Спикировавший сверху Тельман обнял подругу крыльями...

Дедушка Дима и бабушка Лида собрались быстро. Бандеровца закопали за огородом, будто его и не было. Но все же кто-то мог что-то заметить.

И они ушли – околицами, пустырями, тайными тропами, которые дедушка Дима выучил наизусть еще мальчишкой. Голуби тоже указывали дорогу и предупреждали об опасности. Витька и сам отлично знал окрестные стежки-дорожки, только сейчас у него все силы уходили на борьбу с болью в боку: рана, хоть и неглубокая, воспалилась, ее жгло и дергало, поднимался жар...

К вечеру следующего дня он перестал узнавать своих подопечных – начиналась лихорадка.

– Документы есть? – без традиционного «стой, кто идет» потребовала закрытая до глаз фигура.

– Свои мы... – бабушка Лида бессильно опустилась на пересохшую землю. – Витеньке... помогите... его бандеровец... ранил...

Голуби, отлично понимая, кто свой, кто чужой, слетелись к Витьке, и он, улыбаясь, перечислял их имена. Бойцы где-то рядом говорили по-чеченски, но он почему-то все понимал и даже прошептал «Ахмат»...

– Так точно, – подтвердил один из них. – Санитары сейчас будут.

– Я спас их... Тельмана и Марлен... – Витька без запинки перечислил всех. – Всех спас... Теперь можно и умирать.

Женщина-санитар, что, осмотрев рану, укладывала его на носилки, проворчала:

– Я не знаю, кто все эти люди и как ты их спас, но умирать тебе точно рано.

– Это не люди, – счастливо улыбнулся Витька, хотя в глазах уже темнело. – Это голуби.

– Тем более, – строго сказала женщина, делая укол. – Твои, насколько я понимаю. А кто о них позаботится, ты подумал? Умирать он, видите ли, собрался!

Дальше он не слышал.

...Разбудило Витьку воркование – громко, уверенное... живое!

Открыв глаза, он увидел белые стены, белый потолок, какие-то железки рядом... госпиталь? И – окно. Там, за стеклом, на узеньком подоконнике грудилась его пернатая гвардия. Тельман и Марлен, Дитрих и Изольда, Фридрих и Грета, Зигфрид и Анабелла, Эдмунд и Габриэль, Маркус и Дора, Макс и Хильда, Альберт и Эдит, Феликс и Ксения...

Нет, одновременно они на подоконнике не помещались. То и дело кто-то взлетал, освобождая место для других. Только Тельман и Марлен несли свою вахту бессменно...

Когда фашисты расстреляли Витю Черевичкина, они нашли у него за пазухой голубку. Наверное, мальчишка надеялся, что хоть кого-то спасет, что успеет выпустить... Не получилось, все его голуби погибли вместе с ним.

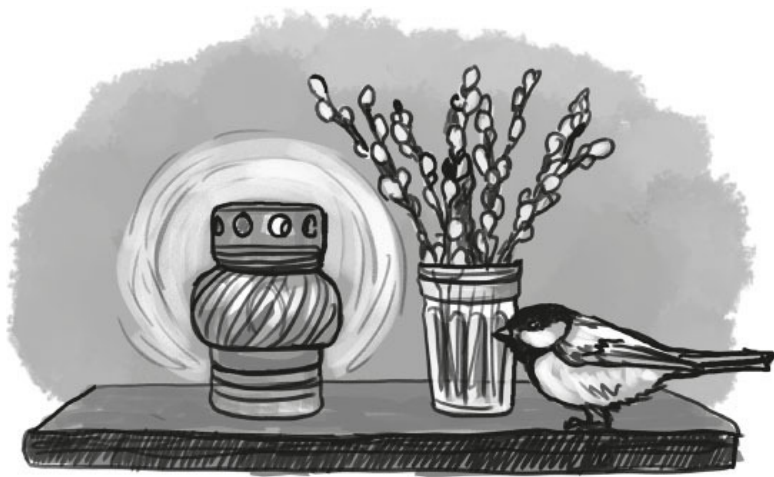
Суджанский Витя своих голубей спасти сумел. А они сумели спасти его.

Каждые сто лет кто-то является на нашу землю. Является, чтобы убивать, а после – ограбить. Вновь и вновь нам приходится загонять агрессора в его логово. И с каждым разом у нас получается все лучше.

Хочется верить, что до жадных завистников наконец дойдет: не выйдет Россию сожрать, не выйдет, не сможете! Только поляжете здесь бесславно.

И хочется верить, что в небе России беспилотники будут реять лишь мирные. Умные доставщики, зоркие наблюдатели, даже пастухи, почему бы и нет? И над ними будут реять белые голуби – птицы мира.

Воскресение вербы

Пенек высокий, в половину человеческого роста. Не толстый, но корявый. Будто и не пенек вовсе, а дед-лесовик стоит на страже возле крохотного пруда, как их здесь называют, – сажалки. Верх срезан чуть наискось, но чисто – точно голову лесовика снесло ударом гигантского топора. Да только лесовики, даже когда они пеньками прикидываются, народ стойкий, их так просто не убьешь...

Срез темный, почти черный, – дожди и снега постарались. Однако поросль молодых побегов из этого черного вылезла

по весне дружная, буйная – очнулся лесовик и шевелюру в рост пустил. Зеленеть ветвям пока рано, только пушистые серебряные кудри усыпали их густо-густо. Легкие, нежные, как крошечные котята, – недаром их в народе котиками зовут – они дрожат, точно отзываясь на текущий издалека колокольный звон.

Вербное воскресенье...

– Раньше колокола не звонили, – Ульянка, маленькая моя провожатая, говорит негромко, хотя кроме нас с ней вокруг ни души. – Опасно потому что. Нацисты сразу стрелять начинали. Как будто их от колокольного звона корчить начинает. Как есть бесы. Так бабуля говорит.

Ульянке на вид лет восемь, вряд ли больше. Худенькая, и росточком совсем невысока. Трогательные крупные веснушки щедро рассыпаны по всему лицу. Волосы светлые-светлые, какие бывают только у детей, – цвета сливочного масла. И глаза тоже светлые, голубые, как незабудки. Вот только совсем не детские они, эти глаза, а... Даже не знаю, с чем сравнить. Как на иконах у Богоматери.

– Сильно по вашему селу нацики били? – спрашиваю.

– Ну... так, – девочка пожимает плечами и объясняет со знанием дела:

– Чем тяжелым – редко, все больше минометами. Ну и танки да БМП иногда подъезжали пострелять. Хотя чего говорить, вы ж сами все видите. Крайние хаты уже и не почишь, заново отстраивать только. И ферму разбили, и МТС.

Она старая уже была, но работала, а эти...

Остановившись возле обросшего по весне «лесовика», Ульянка трогает пушистых котиков и, кажется, не замечает, что улыбается. Осторожно отламывает несколько веточек – ну да, как же в Вербное воскресенье без вербы? И гладит корявый ствол словно благодарит.

– Ее еще в шестнадцатом срубило. Осколком. Она же верба, не дуб, много ли ей надо? Осколок от мины был, от двадцатимиллиметровой. Но ничего! Видите – уже обросла, вон сколько новых побегов. Лет через десять-пятнадцать опять будет высокая да кудрявая. И вон, видите, по берегу новая поросль идет? Это от ее корней. Так что ничего у них не получится. Так и бабуля говорит. А уж она-то знает!

Ульянка вдруг опять улыбается – теперь широко, вольно, радостно. И я даже спросить ничего не успеваю – потрянув головой, девочка, все так же улыбаясь, продолжает:

– Эта верба – она же не просто так. Она после той войны тоже из пенька выросла. Ту, что до нее была, тоже осколком срубило. Бабуля это хорошо помнит.

– А у тебя... – мне хочется спросить, есть ли у Ульянки кто-то, кроме бабушки. Но страшно сделать больно, напомнив о потерях.

Но Ульянка понимает и без слов и заверяет в ответ:

– Та ни! Вы не думайте! Папка нациков бьет, он в ополчении уже давно, а мама в госпитале. То есть, служит в госпитале, она старшая санитарка! – в голосе девочки звучит гордость. – А я с бабулей. Она старенькая, ей трудно...

– Но многие уехали, – тут же опасно!

– Я с бабулей, – упрямо повторяет Ульянка. – Она сказала, всю жизнь тут прожила, ни одна фашистская гадина ее из дома не выгонит. Вообще-то она мне не бабушка, а пра-

бабушка. Но я ее просто бабулей называю. Ее тоже Ульяной зовут. Сейчас она старенькая уже, но раньше учительницей была, поверите ли – целых пятьдесят три года в школе проработала! Все наше село у нее училось. Я, когда вырасту, тоже обязательно учительницей стану, как бабуля. Мы с ней похожи ужас как. Вот я сейчас вам кое-чего расскажу про нее, хотите?

Я, разумеется, соглашаюсь, и девочка начинает:

– Когда та война началась, бабуля вроде меня была. Нет, даже меньше, лет пять ей было. А тут – немцы. Пришли, позанимали дома, что получше. Бабулин дом был маленький, к ним никто не поселился. Только они ж, немцы, по дворам ходили, отбирали все – и еду, и просто так, что понравится. Потом-то даже дети, как их завидят, сразу прятались, мало ли чего этим фашистам в башку взбредет. А сперва... У бабулиной семьи погреб был, не в доме, а рядом. Так один туда залез и давай варенье прямо из банки трескать. И еще бутылка у него с собой была – ну уж точно не с водой. Понимаете?

Я киваю.

– А бабушка маленькая была, но бойкая, – продолжает Ульянка. – Подошла она к погребу и говорит этому фашисту: «Дядя, а чего это вы наше варенье без спросу едите?»

Я осознаю, что, раз родилась Ульянка, значит, уцелела тогда ее прабабушка. Но все равно по спине бежит холодок. Мне, взрослому, страшно от этой картинки: пятилетняя девочка и здоровенный немец, к тому же изрядно накачанный

шнапсом. Ульянка рассказывает, а я словно наяву вижу все произошедшее много лет назад, – перед глазами точно эпизод из фильма.

Я вижу похожую на Ульянку белобрысенькую конопатую девчонку, стоящую, возмущенно уперев руки в боки, перед открытой дверью погреба. Вижу перемазанного вареньем уже изрядно поддатого бугая в нацистской форме. Он немного понимает и говорит по-русски, и потому ржёт: «Йест диз эст фё зольдатен ауф вермахт. Ферштейн, кинд? Во ист дайн фатер, отец?»

Малышка слышит слово «отец» и гордо заявляет: «А мой папка бьет фашистов!»

Немца от этих слов аж корежит всего, прям как черта от святой воды. Он роняет ополовиненную банку, шарит по поясу, ища кобуру, и рычит: «Ферфлюхтен кляйне хунд! Р-русиш-ш ш-швайне!»

То, что ее обозвали русской свиньей, девочка, конечно, не понимает, но сразу догадывается, что страшный, орущий жутким голосом дядька, хочет ее убить. Она пугается, бросается прочь. Фашист бежит за ней, стреляет, толком не целясь, но спотыкается и падает. Девочка со страху тоже падает и замирает, как мертвая. Понявшись, немец подходит, пинает ее ногой, решает, что застрелил «русииш швайне», и уходит со двора. А из избы выбегает мать, хватая ребенка и поскорее утаскивает в дом.

– Мама-то бабулина так напужалась, что спрятала бабулю

и всем соседям сказала: Улюшку, мол, немец убил, – заканчивает свою историю Ульянка. – Так и стереглись, пока фашисты из деревни не ушли. А бабуля, как первый раз из дому нос высунула, сразу увидела, что на вербе-то убитой крохотный отросточек появился...

* * *

Я тоже глажу вербу, уже дважды убитую – и дважды воскресшую. И, когда мы уже идем к Ульянкиной хате, где ждет Ульяна-старшая – прабабушка – оглядываюсь. Пышная серебристая шевелюра лесовика чуть колеблется в такт наплывающему издали перезвону.

Вербное воскресение.

Уля тоже оглядывается, улыбаясь слегка. И продолжает рассказывать:

– Когда опять фашисты пришли – не тогда, а сейчас уже, – наше село в «серой» зоне оказалось. А я в соседнее бегала, к тете Вале. Она в Горловку ездила, полсела ей заказывали. Много-то не привезешь, но лекарства-то нужны – без них бабуле никуда. Старенькая она уже...

– И ты не боялась? Под обстрелами-то?

– Ну, как вам сказать... Стереглась, конечно, не ровен час под снаряд попадешь. Но быстро как-то... привыкла. Надо – собралась и пошла. Соседи говорили, что нацики в «серую» зону зашли, как раз в тетивалино село. Но я их сначала не

видала, забрала все – и домой. Смотрю – идут двое. Знаков на них никаких, а нацики ведь вечно всякой пакостью себя украшают, свастиками там, молниями, черепами. А эти – нет. Еще и переговариваются по-русски. Ну я и подумала, что это наши.

Один мне: «Местная?»

«Не, – отвечаю, – из соседнего села, бабуля у меня там старенькая». Вот, знаете, я ж правда и подумать не подумала, что они... – Ульянка брезгливо морщится, встряхивает головой, словно отбрасывая что-то, и продолжает:

– А тот и спрашивает: «А родители где?» Ну я ему и сказала все, как есть: «Мама в госпитале работает, папка фашистов бьет».

Божечки, вы бы только видели, как его перекосило! Вот было лицо человеческое и вдруг – харя непоймикакая, вот как в церквах ад рисуют. Там у чертей рожи жуткие, и у него такая вдруг стала. Глаза чуть не на лоб выскочили, перекривился весь, ощерился, как собака: «Ах ты сучка сепарская!»

– Ой, простите, – Ульянка заливается краской. – Я ж вообще-то никогда не ругаюсь. Но это он меня так обозвал. И еще много как, и того похуже. А я, пока он ругался, подхватила – и бежать! Ног не чую, бегу, а сама молюсь: «Только не споткнуться, только бы не споткнуться!» А он... Он мне вслед стрелять начал. Слава Богу, не очередью, одиночными. Очередью он бы меня точно убил, а так обошлось. Я ведь петляла – ну чисто заяц. Добежала до околицы нашей, а там

впадинка, в ней ривчак, ну, ручеек, под дорогу для него труба уложена. Я вниз чуть не кубарем скатилась – и в эту трубу. Трубы-то с дороги и не видать, все вербой заросло, густенько так. Вот упихалась я в эту трубу и сижу тихохонько-тиохонько. Слышу сверху голоса: это они, ну, нацики, подошли и гутарят чего-то. Мне не слышать, но, наверное, дивились, куда я подевалась. Потом пальнули пару раз по зарослям, да и ушли вроде, голосов стало не слышно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.